

— Как только заходит речь о Чжу Можане, Лэ Цяньцю начинает ругаться:

— Не упоминай этого дурака, я вообще удивляюсь, был ли твой учитель слепым? Как он мог выбрать такого идиота в качестве главы секты...

Ци Юэ усмехнулся:

— На самом деле мой учитель был внебрачным сыном моего деда...

...

— Даже звери не едят своих детенышей, а он заставил своего сына практиковать Нерождение и неуничтожимость?!

— Он узнал об этом позже, ведь это была жена его племянника.

Лэ Цяньцю задохнулся, и лишь через некоторое время выдавил:

— Ваша секта... настоящий бардак.

Ци Юэ с глубокой усмешкой ответил:

— А у вас... не было такого?

Лэ Цяньцю покраснел, как рак, и замахал руками:

— Детям нечего совать нос в дела взрослых!

— Мне уже тридцать шесть... Если не узнаю сейчас, потом может не быть шанса.

Он тайком выучил Нерождение и неуничтожимость у Чжу Можана, и к шестнадцати годам уже достиг совершенства. На два года раньше, чем Цзян Мочоу, которая в восемнадцать лет вышла на сцену и победила мастеров девяти великих школ, получив прозвище «гений Пути Демонов».

А талант Чжу Можана был еще более пугающим — в пятнадцать лет он побил рекорд Секты Врат Преисподней по времени обучения.

Но чем раньше цветок расцветает, тем быстрее он увядает. Небеса завидуют талантам, а красота недолговечна — такова судьба.

Лэ Цяньцю почувствовал необъяснимую досаду:

— Хм, мои лекарства тоже не просто так едят, за эти годы они немного снизили разрушение.

Если ты согласишься рассеять свою силу и жить в покое, то сможешь протянуть еще пару лет.

Ци Юэ снова усмехнулся.

Мир Пути Демонов похож на логово волков. Без силы ты — всего лишь жертва.

Разве предки не хотели отказаться от такой зловещей техники, как Нерождение и неуничтожимость? Но Путь Демонов всегда был миром, где сильный пожирает слабого. Секта, потерявшая свою силу и упавшая с пьедестала, будет разорвана на куски другими силами.

Либо ты на вершине, либо ты мертв.

Более того, ему было все равно, сколько он проживет, ведь рулет с османтусом он уже не сможет попробовать.

Прожить еще несколько лет — это просто быть одному в холодном Чертоге Жёлтых Источников, терпя одиночество.

— Глава, — стоящая в десяти шагах служащая Павильона Ледяного Сердца в простой одежде поклонилась и спросила, — здесь слепая девушка, которая просит о лечении.

— Какая фамилия? Как зовут? Откуда? Красивая? — Лэ Цяньцю даже не поднял головы.

— Красавица, каких редко встретишь. Она говорит, что не помнит прошлого, только знает, что была ранена, а очнулась около Пещеры Девяти Драконов.

— Пещера Девяти Драконов?! — Лэ Цяньцю резко встал, взглянул на Ци Юэ и усмехнулся:

— Поздравляю, старый демон, похоже, твое Вместилище души само пришло к тебе!

За окном виднелись осенние холмы, небо было чистым, как вуаль. Ветер шелестел колокольчиками под карнизом, а воробьи чирикали.

Янь Були и Хуа Усинь сидели в уютной комнате бамбуковой рощи, претенциозно подняв мизинцы и потягивая чай «Сосновая зелень».

— Эй, а вдруг Лэ Цяньцю не узнает Цзян Мочоу? И как он решится лечить такого «ожившего мертвеца»? — тихо спросил Хуа Усинь.

— Тогда я скажу, что смутно помню, что моя фамилия Цзян, с такими намеками он точно догадается, если, конечно, не зря прожил столько лет. А насчет лечения «ожившего

мертвеца»... — Янь Були, с лицом Цзян Мочоу, скрипнул зубами:

— Ты сам-то «оживший мертвец»...

Примерно через время, необходимое, чтобы выпить чашку чая, они услышали шаги, приближающиеся к комнате. По звуку это был пожилой человек.

Медовая бамбуковая дверь открылась, и внутрь вошли двое. Первым был старик с седыми волосами в простой одежде, за ним — молодой человек с яшмовым лицом в черной мантии.

Оба вошедших тут же закашлялись.

Хуа Усинь использовал слишком много пудры и румян...

— Кхе-кхе, я — Лэ Цяньцю, это вы, девушка, хотите вылечить глаза? — Он сразу проигнорировал служанку и подошел к Янь Були.

Янь Були кивнул:

— Да.

Ци Юэ, увидев сидящую у окна Цзян Мочоу, наконец почувствовал облегчение. Увидев это знакомое лицо, в его сознании промелькнули бесчисленные воспоминания о Долине Лазурных Глубин и различных... рулетах с османтусом.

Хуа Усинь, с его пестрым лицом, невольно посмотрел на молодого человека в черной мантии.

Он не услышал ни одного шага этого человека, даже когда тот стоял прямо перед ним. Его внутренняя сила была сдержанной и совершенной, а легкость шагов — бесшумной. Он достиг высшего мастерства. Не ожидал, что в Павильоне Ледяного Сердца есть такой мастер.

— Тогда я сначала проверю пульс, а что касается платы, то по правилам это сто... — Не успел он договорить, как кто-то наступил ему на ногу, и он тут же изменил слова:

— ...монет...

Хуа Усинь, держа платок, засмеялся, и с его лица посыпалась пудра:

— Павильон Ледяного Сердца действительно доступный...

Янь Були протянул руку:

— Тогда, пожалуйста, помогите, глава Лэ... — Не успел он договорить, как его запястье было схвачено, и три холодных пальца легли на пульс.

Лэ Цяньцю и Хуа Усинь лишь мельком увидели, как черная фигура опустилась на одно колено рядом с белой девушкой.

Человек в черной мантии слегка нахмурил брови, одна рука лежала на белоснежной руке красавицы.

Хуа Усинь потратил мгновение, чтобы восстановить связь в мозгу. Эх, кажется, моего друга только что облапошили...

Затем он внимательно рассмотрел лицо этого человека, невероятно красивого и благородного. Эх, кажется, мой друг только что облапошил кого-то...

— Ты недавно злился... — незнакомый голос произнес рядом, его тон был спокоен, как вода в пруду, без единой волны.

Янь Були отдернул руку:

— Этот врач — ...?

Он даже его не помнит?

Ци Юэ не ответил, встал и, сложив руки за спиной, сказал:

— Глава Лэ, проверьте.

Лэ Цяньцю, закончив осмотр, тоже был в замешательстве.

По логике, использование Обращения Неба и Земли вспять должно было привести к смерти, но сейчас Цзян Мочоу стоит перед ним живая. Может, это из-за того, что она запечатала половину своих акупунктурных точек?

Но если часть души была разблокирована, почему точки все еще запечатаны?

И ее слепота... Сейчас можно лишь определить, что это из-за застоя крови в задней части головы. Но амнезия... Ну, пусть это будет побочным эффектом Обращения Неба и Земли, будем разбираться постепенно.

— Девушка, не волнуйтесь, я проведу курс иглоукалывания в течение семи дней, дополненный лекарственными испарениями, и ваши глаза должны выздороветь.

Янь Були не ожидал, что все будет так просто:

— Правда? Прекрасно!

— Хе-хе, материалы для испарений не так просто достать, — Лэ Цяньцю взглянул на Ци Юэ, стоящего у окна:

— И амнезия... Если после удаления застоя крови вы вспомните, то хорошо, а если нет, придется действовать постепенно.

— Как скажете, великий врач Лэ...

Заплатив десять монет в качестве задатка, слепая красавица и ее служанка были проведены служащим Павильона Ледяного Сердца в гостевой двор.

Ци Юэ стоял у окна, скрестив руки, погруженный в размышления.

Лэ Цяньцю, размахисто выписывая рецепт, взглянул на этого «деревянного человека» и не выдержал:

— Ты же сам говорил, что она единственная, кто достиг совершенства в Нерождении и неуничтожимости, используя Вместилище души. Если упустишь этот шанс, другого не будет.

— Лечи свою болезнь.

— У меня нет болезни!

— Тогда лечи ее болезнь, не делай лишнего. — В его голосе явно звучало предупреждение.

— Ладно, ладно, я лишний... — Лэ Цяньцю с недовольством отвернулся, бормоча:

— Хм, старые и молодые — все одинаковы. Павильону Ледяного Сердца нужно добавить новое правило: береги жизнь, держись подальше от Секты Врат Преисподней.

Ци Юэ раздвинул несколько тонких бамбуковых стеблей за окном, и его взору открылись далекие зеленые холмы, сверкающая вода. Осенний пруд, извилистая галерея, ведущая к берегу. Прохладный ветерок, колышущий ивы, наконец развеял мрачность в его глазах.

Живя долго в горах, он лишен красоты природы. Когда сердце покрыто пылью, как можно вкусить тепло и холод мира?

Некоторые возможности, если их упустить, становятся сожалением, а если отпустить —

глупостью.

Он повернулся и вышел:

— Напиши список того, что нужно для ее испарений... Я подготовлю. — С этими словами он исчез за дверью.

Лэ Цяньцю, не моргнув, написал строку: тысяча слитков золота, десять тысяч лян серебра, сто ху жемчуга...

Хм, вот тебе за то, что наступил мне на ногу...

Янь Були и Хуа Усинь поселились в западном дворе, в Обители гинкго.

Две уютные бамбуковые хижины, стоящие у воды, перед окнами росло старое дерево гинкго, которое могли обхватить трое. Осенний ветер сметал золотую листву по всему саду.

— Это место просто великолепно, жить здесь семь дней всего за сто монет... — Хуа Усинь, расставив вещи, обошел всю хижину.

Янь Були, наощупь открыв коробку с едой, согласился:

— Да, и еду тут подают.

— Но здесь тоже полно опасностей... — Хуа Усинь взял палочки и положил кусочек жареного тофу с перцем.

— Разве? Я думаю, Лэ Цяньцю не заподозрил ничего, он, вероятно, сообщит в Секту Врат Преисподней.

Хуа Усинь покачал головой:

— Я говорю о том волке, который проверял твой пульс. Этот человек молод, но обладает высоким мастерством, он не из Павильона Ледяного Сердца, но знает медицину, одевается как человек Пути Демонов, но его аура похожа на небожителя. Кто он такой?

— Если даже глава Терема Всезнания не знает, то, вероятно, это действительно небожитель.

<http://bllate.org/book/15303/1352331>